

В.В. Величко

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННИХ РАЙОНОВ КИТАЯ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Предыстория развития внутренних районов обуславливается не только их местом в сегодняшней региональной системе Китая, но и характером эволюции ее ранних форм, которые отвечали уровню развития тогдашнего национального хозяйства и его региональных компонентов.

Такой подход к проблематике внутренних районов Китая определяет ориентацию на исторически обусловленную трансформацию их региональных экономик, а перед экономической историей фактически ставит задачу исследования исторической сущности переходности и роли ее региональной составляющей в новейшее время.

Региональная структура и система регионального управления, политика Центра по отношению ко внутренним районам после провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 году формировались в условиях крайне слабого развития промышленности, низких норм производства и потребления аграрной продукции на душу населения, слабых транспортных связей между внутренними и приморскими районами.

В условиях послевоенной разрухи и вследствие освободительной войны перед внутренними районами встала задача ускоренного проведения социально-экономических преобразований и индустриализации.

На ее развитие, безусловно, повлияли также исторические факторы развития средневекового и даже древнего Китая (формирование унитарного государства, его временная дезинтеграция и дальнейшее воссоединение), явления цикличности экономических процессов, которые отражались на развитии регионов (расцвет – упадок – расцвет), перемещение векторов региональной политики (от Запада на Юг и Восток, потом снова на Запад), хозяйственное освоение новых территорий, динамика и внутривнутриполитическое содержание экономического районирования (формирование

экономических районов, изменение границ административных районов, их иерархия и состав) и т.п. (см. такие работы автора, как “Формування регіональної структури держави у середньовічному Китаї” // Вісник Львівського університету. Випуск 45. – Львів, 2008. – С. 190–197; “Регіональне управління у давньокитайській державі: від родового до адміністративного принципу” // Східний світ. – 2007. – № 2. – С. 38–45 и др.).

Поэтому в новейшее время (то есть со времени создания Китайской Народной Республики) состав и характер действия факторов экономического развития на региональную политику в отношении внутренних районов испытал ряд кардинальных изменений.

Временные рамки становления региональной политики и системы управления внутренними районами в указанный период можно сопоставить с существующей периодизацией экономической истории Китая, которая условно включает пять основных этапов.

Первый этап (1949–1959 гг.) – этап социально-экономических преобразований и ускоренной индустриализации, который, в свою очередь, состоял из периодов восстановления и первой пятилетки.

В результате экономических преобразований была проведена национализация крупного, прежде всего компрадорского и олигархического, капитала, а также больших предприятий частной собственности (при сохранении форм кооперативной и коллективной собственности и кустарного производства), создан сильный государственный сектор общегосударственного и местного значения.

Следует учесть, что на начальной стадии индустриализации Китая (1950-е – начало 1960-х гг.) основными центрами производственной активности были в основном не внутренние, а приморские районы (город Шанхай с существующей инфраструктурой, провинция Ляонин, где строился Аньшань-

ский меткомбинат), а также тяготеющие к ним сырьевые районы, где были построены важнейшие угольные шахты (в приморских районах провинций Ляонин и Хэбэй).

Деление территории страны на большие административные районы высшего таксономического уровня, в том числе внутренние, не означало раздробленности Китая, хотя возможности временного более или менее обособленного сосуществования районов страны в рабочем порядке обсуждались в высших эшелонах власти.

В последующем внутренние и другие районы фактически сыграли роль промежуточного звена создания системы общенационального хозяйства (а для центра – оказывали содействие решению вопросов политической консолидации). Они имели большие масштабы (внутренние районы состояли в разное время из трех-шести провинций), в которых решались почти все вопросы, связанные с производством, оборотом материальных и финансовых средств, культурой, наукой и образованием. Общегосударственные органы решали лишь экономические вопросы, которые касались финансирования и централизованного ведения капитального строительства.

Могущественным фактором ускорения процессов формирования национального хозяйства стало создание сначала элементов, а потом и целостной системы планирования его развития.

Это оказывало содействие не только становлению роли центра, но и постепенному ослаблению роли властных региональных структур, началу освоения неразвитых районов и даже слиянию ряда мелких (с точки зрения центра) провинций (Ляодун и Ляоси, Суйюань и Внутренняя Монголия, Сунцзян и Хейлуцзян, Сикан и Сычуань и др.).

После восстановления нормального функционирования производительных сил, разрушенных в результате войн первой половины XX столетия, и хозяйственного строительства в течение первой пятилетки 1950-е годы стали периодом сверхвысоких темпов роста не только приморских районов. В конце первой пятилетки важными объектами регионального управления стали внутренние районы. Из 694 намеченных первым пятилетним планом „надлимитных” (т.е. больших) объектов 472 объекта (или 68%

всего их числа) было намечено построить во внутренних районах.

В конце первой пятилетки для хозяйственного строительства стала характерной беспрецедентная деконцентрация производственной активности, ее выраженная региональная направленность. Ведь, кроме технической реконструкции промышленности старых районов Шанхая и Северо-Востока, со временем началось активное промышленное строительство во внутренних районах, в частности строительство комплекса предприятий Уханьского металлургического комбината (УМК) и ряда заводов по кооперации в других внутренних районах.

Капитальное строительство, введение в действие таких больших индустриальных объектов, как УМК, было призвано изменить существовавшее нерациональное и несбалансированное размещение производительных сил.

Новое строительство обеспечило более высокие темпы развития внутренних, в том числе центральных, провинций по сравнению с приморскими. По официальным данным, в период первой пятилетки среднегодовой прирост продукции промышленности внутренних районов в целом составил 29%, а в приморских – 16,5%.

Анализ размещения производительных сил по отраслям свидетельствовал, что в большинстве из них состоялись серьезные территориальные сдвиги. Так, в электроэнергетике введение новых мощностей во внутренних районах уменьшило удельный вес приморских в электробалансе страны приблизительно с 30% в 1952 г. до 20% в 1957 году. За этот же период мощности текстильной индустрии внутренних районов увеличились в 2,8 раза, что приблизительно вдвое выше прироста мощностей в приморских районах.

Тенденция опережающего наращивания мощностей текстильной области во внутренних районах имела ощутимый экономический эффект в связи с приближением производства готовой продукции к аграрно-сырьевым районам.

До конца первой пятилетки по темпам прироста промышленного производства внутренние районы превышали общенациональный показатель (18% за пятилетку в среднем), а приморские – уступали ему.

Период первой пятилетки отмечался высокой положительной динамикой других макроэкономических показателей. Были созданы новые области производства, в том числе на основе передовых для того времени технологий, – авиастроение, тракторостроение, станкостроение, энергетика, связи, транспорта. Часть новых отраслей (тракторостроение, авиастроение) была создана во внутренних районах.

Второй этап развития внутренних районов (1958–1960 гг.) связан с осуществлением там (как и во всем Китае) эксперимента – политики “большого скачка” – *да юеи-зинь*, – начатого с целью максимального ускорения темпов экономического роста путем экстенсивного развития производства.

“Большой скачок” был, по сути, неудачным экономическим экспериментом, поскольку вызвал кризисные явления в экономике, в частности сокращение объемов производства, массовое закрытие предприятий, безработицу и голод в городах.

Переход к политике “скачка” в конце 1950-х гг. сопровождался резкими изменениями территориальной организации производства.

На высших партийных и законодательных форумах было принято решение о расширении административно-хозяйственных полномочий регионов и освобождении центра от части управленческих функций.

Это решение фактически было признанием того факта, что жестко централизованное управление регионами оказалось невозможным, и местные власти де-факто присвоили себе многие из тех функций, которые должны были принадлежать центральным органам.

До конца 1959 г. в распоряжение местных органов власти было передано около 90% промышленных предприятий, а в региональные бюджеты стало поступать 100% прибыли местных предприятий и до 20% – предприятий центрального подчинения, а также часть товарного, промышленного и сельскохозяйственного налогов.

В итоге традиционные связи внутренних районов с другими районами слабели, в связи с чем часть крупных предприятий натолкнулась на серьезные трудности со снабжением и сбытом.

С учетом этого были приняты меры по развитию межрегиональной кооперации, в

частности путем восстановления районов экономического кооперирования (РЭК) в составе по 3–5 провинций в каждом из них.

В составе РЭК были образованы административные органы – комиссии. На основании специального положения комиссии занимались координацией планов провинций данного региона, развития отдельных областей и перераспределения финансовых и материальных ресурсов между провинциями.

В основу формирования РЭК были положены такие принципы, как наличие в их границах промышленного, аграрного потенциала, транспортной инфраструктуры, сырьевой (в первую очередь энергетической) базы, трудовых ресурсов.

Кроме того, в составе каждого района были и экономически более развитые, и относительно отсталые провинции. Очевидно, это делалось с целью, чтобы первые предоставляли помощь вторым и тем самым оказывали содействие преодолению глубоких расхождений в их развитии.

Согласно “нарезке” Госплана КНР, среди РЭК конца 1950-х гг. был и Центральный РЭК в составе провинций Хенань, Хубей, Хунань.

В сравнении с “сеткой” административных районов 1954 года состав Центрального РЭК, начиная с 1959 года, изменился путем перевода провинции Цзянси в его состав. Мотивом реформирования Центрального РЭК было обеспечение более активного участия провинции в укреплении сырьевой базы Уханьского металлургического комбината, наибольшего к тому времени в Китае.

Согласно директивным документам, Центральному РЭК предлагалось (а по сути – в обязательном порядке поручалось) иметь не менее чем один большой металлургический завод, а также технологически соединенные с ним предприятия машиностроения, угольной и электроэнергетической области.

Считалось, что таким образом каждый РЭК должен в основном удовлетворять собственные нужды в машиностроительной продукции, транспортных средствах и даже в комплектном оборудовании, а кооперационные связи предприятий не должны выходить за его пределы.

Центральному РЭК подчинялись по рангу провинциальные хозяйственные

комплексы, которые состояли, в свою очередь, из комплексов уездов и народных коммун. Последние в то время считались “основной производственной ячейкой” – *цзычаньцзу* – общества.

Такая структурная политика Центрального РЭК имела четкое экономическое содержание: максимальная самообеспеченность районов кооперирования и меньших таксонов, до „народной коммуны” включительно, должна была оказывать содействие уменьшению роли товарно-денежных отношений и замене их прямым продуктообменом в меру “продвижения к коммунизму”.

Кроме того, почти полная сбалансированность хозяйства в районном масштабе стала “противоядием” относительно хозяйственной самостоятельности предприятий, а в целом – против падения авторитета центра на фоне недостатков политики “скачка”.

Отказ от политики “скачка” как такой, что не оправдала себя, логически привел к попыткам просмотра идеи создания во внутренних районах замкнутых промышленных комплексов. Китайские экономисты на основе выполненного в начале 1960-х гг. анализа районных балансов и кооперационных связей больших предприятий пришли к выводу о невозможности создания в районе полного цикла производства [Ван Хайбо 1999, 305].

Это повлияло на процесс принятия решений директивными органами, и цель создания в каждом районе завершенной промышленной системы постепенно отошла на задний план.

В то же время в экономической политике государства наблюдалась и консервативная тенденция: ориентация внутренних районов на максимальное самообеспечение под лозунгом нового политического курса *цзыли геншен* – “опоры на собственные силы”.

Элементом региональной экономической политики считалась и концепция *и го сянтань* – “вся страна – шахматная доска”, которая предусматривала равномерное территориальное разделение труда внутри отдельных районов и в масштабе всей страны.

Третий этап (1961–1965 гг.) – этап урегулирования, т.е. преодоления следствий

кризиса, вызванного “большим скачком”, восстановления хозяйственного механизма, нормализации работы предприятий, развития товарно-денежных отношений, решения социальных вопросов (прежде всего смягчение отрицательных следствий безработицы и голода).

В период “урегулирования” повышенное внимание во внутренних районах стало отводиться сельскому хозяйству, а также обеспечивающим его областям – химической промышленности и сельскохозяйственному машиностроению.

При этом в ходе размещения новых предприятий учитывались не столько политические установки, сколько наличие необходимого оборудования, степень обеспеченности электроэнергией и сырьем (в химической промышленности – углем для производства карбамида и фосфоритами – для фосфорных удобрений).

В связи с этим предприятия химии и сельхозмашиностроения строились преимущественно в Центральном (и Юго-Западном) РЭК. При этом повсеместно не хватало необходимого оборудования, и его пришлось импортировать (в тот период – уже не из Советского Союза, отношения с которым резко ухудшились, а из стран Западной Европы – Англии, Голландии и ФРГ).

Для увеличения выпуска сельхозмашин был подключен ряд машиностроительных заводов при соответствующем изменении их профиля и специализации.

Таким образом, в первой половине 1960-х гг. начался отход от существовавшей модели управления регионами. Постепенно расширялась сфера централизованного управления промышленностью, укреплялся ее отраслевой принцип. Лозунг создания самообеспечивающихся районов в руководящих документах и текущей политике постепенно вышел из пропагандистского употребления.

Однако эта тенденция в региональной экономической политике не успела закрепиться.

С середины 1960-х гг. на фоне политических перипетий “культурной революции” – *да веньге* – стала проводиться политика “широкого социалистического сотрудничества” – *гуанфань шехуейчжун хецзо*, которая, в сущности, ограничивала территориальное разделение труда, насаж-

дала диверсификацию (в ущерб специализации) регионального хозяйства, причем не только Центрального РЭК и его провинций, но и более мелких таксонов, вплоть до его базового уровня – “народной коммуны” включительно.

Внутренние районы были призваны находить собственные пути и средства (в том числе материально-финансовые) для регионального развития.

Четвертый этап (1965–1977 гг.) связан с проведением “культурной революции” – *да веньге* – и политики “третьей линии” – *сань сянь*. Экономические цели предыдущего периода были отброшены и заменены на политические – подготовка на случай войны [Величко 1999, 12]. Современные китайские исследователи феномена «третьей линии» указывают на то, что в ее рамках был создан комитет по строительству «третьей линии» Центрального Китая (еще два аналогичных комитета были созданы в Юго-Западном и Северо-Западном Китае).

Основа политики “третьей линии”, которая касалась преимущественно внутренних и юго-западных районов страны, была заложена Мао Цзедун. Им впервые поставлена проблема соотношения развития приморских и внутренних районов Китая, а также задачи относительно создания во внутренних районах баз стратегического тыла еще в 1950-е годы [Мао Цзедун 1999, т. 5, 47–48].

Такая политика сопровождалась действиями властей, которые фактически препятствовали развитию базовых отраслей и обрабатывающей промышленности, вызывая дезорганизацию управления, нарушение хозяйственных связей, сужение сферы товарно-денежных отношений и сокращение внешнеторгового оборота.

Следует отметить, что в системе общественных отношений, составляющими которой являются, в частности, взаимодействие между центром и регионами, между партией (коммунистической) и массами, государством и армией, между развитыми и отсталыми регионами, приоритет отдавался первому звену (центр – регионы).

Что касается взаимоотношений “центр – регионы” как составной части экономической реформы, то сбалансированное развитие отношений между ними оказывало непосредственное влияние на выбор модели рыночных отношений.

В одном случае речь шла о создании единой для всей страны рыночной экономики и общенационального рынка, который, безусловно, был в пользу сохранения целостности государства. В другом – о создании замкнутых, ограниченных внутренними границами, региональных рынков и обособленных моделей экономики регионов. В последнем случае оторванные друг от друга хозяйства были бы лишены возможности кооперации и специализации производства. Ведь экономическая обособленность, как правило, вызывает явления сепаратизма во внутренней политике.

Поэтому отход от политики “урегулирования” был началом нового, своеобразного цикла развития региональной экономики Китая, который во многом был связан с политикой “третьей линии” как стратегии экономического развития и одновременно – оборонного строительства.

Ее рождение было вызвано субъективными условиями, тенденциозной оценкой международной и военно-стратегической ситуации того времени. На протяжении 1950-х лет, вопреки существующей опасности возникновения войны с развитыми государствами Запада, китайское руководство все же надеялось на возрастающее влияние “миролюбивых сил” – *хэтин лиань*, – т.е. на баланс сил в мировой политике, и считало возможным предотвратить новую мировую войну.

Поэтому в течение первой и второй пятилеток влияние военной стратегии на размещение промышленности того времени имело большей частью идеологическое содержание. Так, в 1956 г. Мао Цзедун, очерчивая планы динамичной индустриализации экономики, обосновал новую идею размещения, главным постулатом которой было то, что она должна оказывать содействие “подготовке к войне” – *лиюй бейчжань* [Мао Цзедун 1999, т. 5, 25]. Тем не менее эта идеология не была материализована в рамках индустриализации 1950-х гг. Основные индустриальные центры были созданы большей частью в восточных районах.

Затем ухудшение китайско-советских взаимоотношений в начале 1960-х гг., значительный рост (с 10 до 54 дивизий) группировки ВС СССР на советско-китайской границе, с одной стороны, и начало вьетнамско-американской войны в 1962 г., тон-

кинский инцидент 5 августа 1964 г., военная блокада СРВ и высадка американских войск в Южном Вьетнаме в марте 1965 г. – с другой – обусловили существенный рост угрозы безопасности КНР с Севера, Юга и Юго-Востока.

Индийско-китайский военный конфликт 1962 года, сосредоточение американских и гоминдановских войск в районе Тайваньского залива и увеличение контингента американских войск в Южной Корее оказывали содействие росту напряжения непосредственно вдоль морской и сухопутной границы КНР на других участках.

Более того, обнародованные в 1990-х годах документы Госдепа США (прежде всего апрельский 1964 года доклад эксперта Комитета политического планирования Администрации США Р. Джонсона) свидетельствовали, что США одновременно с СССР или некоторыми третьими странами могли реально нанести удар по Китаю, в первую очередь по его ядерным объектам.

По мнению тогдашнего китайского руководства, военно-политическая обстановка вокруг КНР в начале 1960-х гг. действительно содержала опасность начала войны против Китая как со стороны США, так и бывшего СССР и нанесения соответствующего удара по хозяйственным объектам на его территории.

Поэтому китайские руководители заявляли не только о необходимости укрепления оборонительного потенциала и современной армии, но и о создании тыловой стратегической базы в глубине территории страны.

Следует отметить, что большинство документов и аналитических материалов о политике “третьей линии” все еще не обнародовано, лишь в начале 1980-х гг. начали публиковаться отдельные материалы, которые, однако, не имели надлежащей глубины анализа и обобщения. Доступная же литература о политике “третьей линии” имела художественный (в основном очерки и другие небольшие литературные формы) или изобразительно-документальный (картины и фотографии) характер.

В последнее время появились публикации решений партийных и правительственных органов относительно начала и продолжения строительства “третьей линии” или их тексты, а также материалы об участии в строительстве объектов “тре-

тьей линии” действующих руководителей Китая (прежде всего, главы КНР Ху Цзиньтао и премьера Госсовета КНР Вень Цзябао. В частности, в указанных материалах упоминается о том, что в 1968–1982 гг. Ху Цзиньтао работал одним из руководителей строительства ГЭС Люцзяся.

Недавно опубликовано несколько документов, и среди них доклад Генштаба ЦВК КНР от 25 апреля 1964 года, которые удостоверяли, что промышленный потенциал страны был сосредоточен в больших городах, расположенных в наиболее впечатлительных от нападения приморских – восточных регионах. Там сгрудилось 60% мощностей машиностроения, 52% ВПК и 50% химической промышленности. Доступными для тогдашних ударных средств нападения были порты, железные дороги, мосты, линии коммуникаций и водохозяйственные объекты КНР, которые были размещены, главным образом, в указанных районах.

Вместо Центрального (и Юго-Восточного) РЭК, сформированных в 1950-х годах, территория была разделена тремя “линиями”. Т.е. было принято политическое решение об образовании регионов в искусственно (вразрез с существовавшими схемами экономического районирования и политико-административного деления) ограниченных тремя “линиями” границах.

Регионы “первой линии” включали приморские и пограничные провинции, районы и города центрального подчинения приморских районов: Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, провинции Ляонин, Цзилинь, Шаньдун, Цзянсу, Чжецзян, Фуцзянь, Гуандун, Внутренняя Монголия, Синьцзян и Тибет.

Регионы “второй линии” были размещены во внутренних районах, главным образом вдоль условной линии Пекин – Ухань – Гуанчжоу. Ко “второй линии” принадлежали районы, которые занимали промежуточное положение между первой и третьей линиями – провинции Аньхой, Цзянси, западные части провинций Хунань, Хубей и т.п.

Регионы “третьей линии” с точки зрения военной стратегии представляли стратегическую тыловую базу – *чжаньлюе хоуфан цзиди* – в составе провинций Запада Китая: Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань, Шеньси, Ганьсу, Нинся, Цинхай (“большая третья линия”), а также части провинций

Шаньси, Хебей, Хенань, Хубей, Гуанси (“малая третья линия”).

Таким образом, районы “второй линии” и “малой третьей линии” в целом соответствуют внутренним районам в их теперешнем понимании.

По нашим расчетам, совокупная площадь районов составляла 2,5 млн. кв.км, или 26% территории Китая, а население – 135,4 млн. чел., что в то время равнялось 22% населения страны.

Формально-директивным началом политики “третьей линии” историки считают выступление Мао Цзедун на рабочем совещании ЦК КПК в июне 1964 года, когда китайский лидер внес предложение относительно необходимости строительства промышленных баз в глубине страны [Мао Цзедун 1999, т. 7, 47–48].

На выполнение политических указаний совещания (“готовиться к войне” – *бей чжань*) Госсовет Китая уже за два месяца подготовил доклад ЦК КПК о строительстве “третьей линии”.

Тем не менее в наиболее развернутом виде строительство “третьей линии” было обосновано тогдашним премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем. В его “Докладе об обстоятельствах реализации третьей пятилетки”, в частности, были изложены предложения относительно перемещения промышленных предприятий, базовых учебных заведений, научно-исследовательских учреждений из районов “первой линии” к районам “третьей линии”.

Практическая имплементация предложений Госсовета и его руководителя началась в июле 1965 года, когда Госплан КНР утвердил план третьей пятилетки, по сути план подготовки к войне и строительства “третьей линии” как “большого стратегического тыла” – *да хоуфан чжаньлюе изиди*. Только в 1998 г. был частично обнаружен текст тезисов указанного доклада.

В документе содержались конкретные указания о предоставлении районам “третьей линии” людских, материальных, финансовых ресурсов и о концентрации особого внимания на вопросах строительства “третьей линии”, в частности на удовлетворении ее нужд в оборудовании, промышленном сырье, материалах, топливе, а также обеспечении средствами транспорта, продукцией химии.

Вопреки тому что, по оценкам экспертов, на протяжении третьей пятилетки районы “третьей линии” превратились в “относительно целостную, новую промышленную базу”, их строительство было продолжено и в годы четвертой пятилетки (1970–1974 гг.). В отличие от задач третьей пятилетки, задачи четвертого пятилетнего плана были расширены. В нем большое внимание отводилось вопросам отраслевой структуры, в частности взаимодействию промышленного строительства и сельского хозяйства и т.д.

Характерно, что на фоне выполнения задач строительства “третьей линии” сетка РЭК была частично пересмотрена, отображая политическую установку относительно подготовки к войне (Юго-Восточный, Северо-Западный, Южный, Восточный, Северный, Северо-Восточный РЭК были “перекроены”, вместе с тем прибавились Чжунюаньский, Шаньдунский, Фуцзяньско-Цзянсиский и Синьцзянский РЭК [Су Шаочжи 2002, 287]. Такие поспешные решения вызвали явления дезорганизации регионального управления, и в середине 1970-х гг. Китай возвратился к предыдущему варианту “сетки” РЭК.

Возможно, это было связано с тем, что в то время наметилась некоторая разрядка напряженности в отношениях Китая как с США, так и с СССР, а строительство “третьей линии” начало терять свою политическую остроту и стратегическую значимость.

По мнению китайских исследователей, исторические рамки наиболее активного периода политики “третьей линии” отвечают периоду с 1965-го по 1983 г. Если учитывать то, что во второй половине 1980-х гг. Центр проводил политику относительно ее урегулирования, временные рамки политики “третьей линии” можно продолжить до конца 1980-х гг.

С точки зрения современной экономической политики и критериев развития региональной экономики строительство “третьей линии” оценивается в Китае неоднозначно.

К наиболее важным положительным факторам относят вклад строительства “третьей линии” в смягчение неравномерности развития регионов Китая. Строительство новых или перемещение дей-

Таблица. Распределение капиталовложений между приморскими и внутренними (отдельно – районы «третьей линии») макрорегионами (% централизованных капиталовложений)

Период	Приморские районы	Внутренние районы	Районы «третьей линии»
1953–1957	41,8	47,8	30,6
1959–1962	42,3	53,9	36,9
1963–1965	39,4	58,0	38,2
1966–1970	30,9	66,8	52,7
1971–1975	39,4	53,5	41,1
1952–1975	40,0	55,0	40,0

Источник: Лу Дадао. 1997 нянь Чжунго цюйюй цзинцзи фачжань баогао. – Пекин: Шаньшицзугуань. – 1998. – С. 52-75.

ствующих предприятий и производств из районов “первой линии” в районы “второй” и “третьей” линий фактически позволило развернуть индустриализацию внутренних, и особенно западных, регионов. На это было направлено 39,01% всех инвестиций в основные производственные фонды Китая.

В рамках создания базы стратегического тыла были построены большие металлургические комбинаты Паньчжихуа, Цюцюань и Цзиньчуань, железные дороги Ченду-Куньмин, Куньмин-Гуйян, Цинхай-Тибет (Синин-Голмо), а также к тому времени мощные (свыше 1 млн. кВт каждая) ГЭС Гечжоуба и Люцзяся, нефтепромыслы в районах Сычуань, Цзянхань, Чанцин, Чжунюань. Создание базовых областей промышленности сопровождалось становлением центров космической и авиационной промышленности в районах Цюцюань, Сичан, Гуйчжоу, Ханьчжун, атомной промышленности – в западной части провинции Сычуань, автомобильной – в Шиянь (западная часть провинции Хубей).

Однако начиная с 1980-х гг., когда появилась возможность в контексте политики реформ и открытости дать политике “третьей линии” всестороннюю экономическую оценку, преобладали ее отрицательные стороны.

Так, в официальном комментарии газеты “Женьминь жибао” было указано, что на развертывание строительства “третьей линии” было направлено много лишних инвестиций, которые использовались ненадлежащим образом, поскольку их эффективность была низкой, а потери – многочисленными.

Однако, в свете внутривнутриполитической борьбы в Китае, недостатки в строительстве “третьей линии” относились на счет

Линь Бяо и Цзян Цин – политических оппонентов тогдашнего руководства КНР.

Обсуждение проблем “третьей линии” продолжается и ныне, включая не только отрицательную оценку ее результатов, но и разные предложения по урегулированию проблемных вопросов, в том числе путем редислокации предприятий “третьей линии”, особенно высокотехнологического цикла, назад, в приморские районы, откуда они были выведены в течение второй половины 1960-х – первой половины 1970-х гг.

В целом в течение дореформенного периода (1949–1978 г.) в региональной экономике Китая произошли такие изменения, как достижение разных темпов экономического роста макрорегионов – внутренних и западных – ускоренными, а восточных – замедленными темпами. Наблюдался значительный подъем роли городов, ускорение строительства производственных баз, особенно на северо-востоке страны, а также “усиление” экономики Шанхая и Тяньцзиня. Экономисты признают, что до конца 1990-х гг. сложилась относительно сбалансированная региональная структура производства, при которой в целом за внутренними регионами закрепились функции производства энергоресурсов и сырья, а за приморскими – их потребления и переработки.

На протяжении всего дореформенного периода значительно укрепилась транспортная система, энергетическая и ресурсная база, обрабатывающая промышленность. Более того, структура старых баз с ранее развитой легкой промышленностью прошла реконструкцию с включением в структуру ее отраслей тяжелой индустрии, машиностроения, металлургии и химии.

Часть экономистов Китая считает, что плановая экономическая система, которая

доминировала на протяжении первых трех десятилетий существования КНР, позволяла в целом обеспечивать равномерные темпы развития регионов. Так, показатели темпов роста ВВП в наиболее развитых приморских регионах (даже в мегаполисах Пекин, Шанхай, Тяньцзинь и в провинции Ляонин) превышали среднекитайский ВВП лишь на 0,68%.

Во внутренних районах произошли масштабные структурные изменения. Благодаря региональной политике командно-административного типа за тридцать лет сделан переход от структуры с преимущественно аграрной и/или ресурсной составной к структуре с ярко выраженными индустриальными чертами.

При этом структура регионального хозяйства изменялась наиболее быстрыми темпами во внутренних районах (официальный индекс структурных изменений составил 71,5%). Структура хозяйства приморских – возрастала наиболее низкими темпами (индекс совокупного роста – 53,4%).

Во внутренних районах начали осуществляться практические шаги по вос-

становлению децентрализованных основ управления экономикой. Так, плановая работа была изъята из компетенции центра и снова передана на уровень районов, а центральные органы исполнительной власти стали отвечать лишь за управление наиболее важными проектами строительства и объектами производства. Высвобожденная часть функций центрального хозяйственного аппарата была передана в компетенцию местных органов власти.

С начала 1970-х гг. начались изменения региональной структуры экономики Китая, которые, в частности, содействовали углублению процессов децентрализации управления внутренними районами. Большинство предприятий, которые раньше находились в сфере компетенции центральных органов исполнительной власти, было передано в распоряжение местных органов (провинций, округов, городов, а некоторые – и уездов). Полномочия последних значительно расширились, в том числе в механизме управления промышленностью и капитальным строительством, финансовыми и материальными потоками.

ЛИТЕРАТУРА

Ван Хайбо. Чжунхуа женьминь гунхего гуне цзинциши (История экономики промышленности КНР). Пекин, 1999.

Величко В.В. Политика «третьей линии» и ее влияние на социально-экономическое развитие КНР. Москва, 1988.

Мао Цзедун. Веньцзи (Собрание сочинений). Пекин, 1999.

Су Шаочжи / Под ред. Чжао Десиня. Чжунго цзинци тунши (Общая история китайской экономики). Чанша, 2002.